Устюгов Виктор Анатольевич

ПОЧЕМУ МЫ БОИМСЯ СМЕРТИ?

В статье обосновывается предположение, что конечность своего бытия переживается человеком как страх там, где производство смерти является общественным процессом. Автор обращает внимание на тот факт, что в общественном производстве смерти последняя для человека – это не только физиологическое явление, но и отношение человека к человеку. Страх же фиксирует сознание индивида на физиологии смерти. Воспринимая общественное отношение в качестве естественного и понимая невозможность устранить его из жизни, человек направляет свою активность не на преобразование нечеловеческих условий существования, а на компенсацию страха.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. С. 197-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

62. Harris F. R. American Democracy. Glenview, Ill., 1983. 387 p.
63. Interest Groups [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/parliament/expert/staticDisplay.do?id=65&language=en&redirection (дата обращения: 26.07.2012).
64. Legislation on Lobbying in Europe [Электронный ресурс]. URL: www.oecd.org/dataoecd/18/15/38944200.pdf (дата обращения: 10.11.2012).
65. Lobbying Canberra in the Nineties: the Government Relations Game. North Sydney: Allen & Unwin, 1991. 165 p.
66. Lobbying Disclosure Act of 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lobbying.ru/docs/lda.pdf (дата обращения: 23.11.2012).
67. Lobbyists Registration Act [Электронный ресурс]. URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=20 (дата обращения: 23.11.2012).
68. McConnell G. Private Power and American Democracy. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1966. 397 p.
69. Political Parties and Political Development / ed. by J. La Palombara, M. Weiner. N. J., 1966. 487 p.
70. Truman D. B. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. N. Y., 1971. 576 p.
71. Wilson G. Business and Politics. A Comparative Introduction. L.: Macmillan, 1985. 240 p.
72. Wolpe B. C., Levine B. J. Lobbying Congress: How the System Works. 2nd ed. Washington: Congressional Quarterly, Inc., 1996. 206 p.
73. Zeigler H. Interest Groups // Encyclopedia of Government and Politics. N. Y., 1992. P. 377-392.

**THEORY OF GROUPS AND THEORY OF LOBBYISM:
CORRELATION OF SCIENTIFIC CONCEPTIONS (PART I)**

Pavel Aleksandrovich Tolstykh, Ph. D. in Political Science
Department of Integrated Communications
National Research University "Higher School of Economics"
7443421@gmail.com

The author considers lobbyism in terms of the correlation between the theory of interest groups and the theory of lobbying, uses "restricted" and "broad" approaches to reveal the characteristic features and to determine the subject status of interest groups, basing on it systemizes the most typical approaches to subject and object fields, which were finally reduced to four graphical models of the correlation between the fundamental characteristics of lobbyism and the theory of interest groups, and tells that the obtained results allow understanding the role of public pressures on the authorities.

Key words and phrases: interest groups; pressure groups; lobbyism; political groups; bureaucratic pressure groups; legislative pressure groups; regional pressure groups; party pressure group.

УДК 128
Философские науки

В статье обосновывается предположение, что конечность своего бытия переживается человеком как страх там, где производство смерти является общественным процессом. Автор обращает внимание на тот факт, что в общественном производстве смерти последняя для человека – это не только физиологическое явление, но и отношение человека к человеку. Страх же фиксирует сознание индивида на физиологии смерти. Воспринимая общественное отношение в качестве естественного и понимая невозможность устранить его из жизни, человек направляет свою активность не на преобразование нечеловеческих условий существования, а на компенсацию страха.

Ключевые слова и фразы: страх смерти; общественное производство смерти; смерть как общественное отношение; страх как регулятор человеческого поведения; компенсация страха.

Виктор Анатольевич Устюгов, к. филос. н.
Кафедра философии
Сибирский федеральный университет
ystugov@gmail.com

ПОЧЕМУ МЫ БОИМСЯ СМЕРТИ?©

Тема человеческого страха смерти как предмет понимания, изображения и переживания представляется вечной. Не одно поколение мыслителей обращалось к данной теме, и сегодня исследователи продолжают находить новые оттенки сознания конечности человеческого бытия. При всем многообразии подходов к феномену страха смерти главным образом рассматривается то, как человек боится неотвратимой гибели. Вопрос «почему?» кажется неуместным, так как страх перед лицом смерти представляется естественной реакцией индивида – инстинктом.

Однако человек тем и отличается от животных, что он не просто боится смерти, но и осознает свою смертность. Это обстоятельство и привлекало философов. Не физиология страха, а сознание конечности человеческого бытия было всегда в центре философских размышлений. Для философа вопрос «почему мы боимся смерти?» – это вопрос о том, почему конечность своего бытия осознается человеком как страх. С учетом

© Устюгов В. А., 2013

указанных обстоятельств «феномен страха смерти» – это сознание конечности человеческого бытия, переживаемое индивидом в обстоятельствах, где смерть непосредственно не угрожает жизни человека. Сознание конечности своего бытия порой переживается как страх бытия вообще. И. Кант отмечал, что это переживание возникает у духовно неразвитого человека при созерцании картин разрушительных сил природы [1, с. 269].

Можно усомниться в том, что главной настроенностью человеческого бытия является страх, в своей основе – страх смерти. Такое переживание конечности своего бытия несовместимо с нормальной жизнедеятельностью человека. И в этом сомнении есть доля истины. Видимо, только при известных обстоятельствах ужас смерти поглощает человеческое существо. В обычной жизни эти переживания каким-то образом компенсируются. Люди стремятся получить уверенность в своем бытии или утешение. Если учесть, что обычно страх компенсирован, можно утверждать, что он все же господствует над нами.

С тех пор, как страх смерти стал общественно значимым переживанием конечности индивидуального бытия, компенсация страха стала общественной потребностью. Утешение составляет едва ли не самую важную часть всех религий и философских учений. Действуя различным образом, обращаясь к чувствам и разуму, религия и философия учили человека спокойно смотреть в лицо смерти. Вопрос «почему мы боимся смерти?» рассматривался как подчиненный задаче компенсации страха. Феномен смерти оставался загадкой. А это значит, что причину страха философы видели в сознании, в сознании искали и средство избавления от страха.

Сегодня мы не можем с эпическим вдохновением мыслителей прошлого внушать людям, что смерть не имеет к нам отношения. К сожалению, имеет, но мы можем понять, что такое «смерть для человека», независимо от задач компенсации страха. Трудности понимания в основном методологического характера.

Размышляя о феномене «страха смерти», исследователи удваивают его описание: один раз на языке физиологического явления, другой раз на языке субъективно-психических переживаний. От исследователей ускользает тот факт, что смерть – это не просто физиологическое явление и не предметность сознания, а общественное по природе своей явление. «Смерть» – явление чувственно-сверхчувственное, это общественный символ страха, символ общественного переживания конечности человеческого бытия. Понимание смерти как символа – это ключ к пониманию феномена «страха смерти», ключ к объективному изучению этого феномена сознания. Самое тщательное научное исследование материального тела символа не даст возможности понять его смысл, так как тело символа только представляет нам действительные причины страха. Однако сам по себе символ не является причиной страха смерти. Трудность понимания этого символа, как и любого другого, состоит в том, чтобы определить, в системе каких человеческих отношений он играет роль представителя. Тогда мы сможем понять, что он представляет и как он возник.

А. Шопенгауэр, возможно, прав в том, что человек не боится и не должен бояться естественно наступающей смерти, постепенного и незаметного исчезновения из бытия [3, с. 390]. Если бы люди доживали до глубокой старости и, естественно угаснув, теряли прежние связи с жизнью, то они принимали бы смерть как желанное забвение. И, провожая их, живые вряд ли бы горевали и не думали бы в страхе о неизбежном...

Если человек не боится естественной смерти (по старости), то, видимо, он боится смерти преждевременной. Говорят, что в смерти человека пугает неизвестность, но неизвестность до рождения не пугает никого. Значит, неизвестность – это, скорее всего, невозможность предвидения кончины, так как преждевременная смерть – дело случая. Это обстоятельство, без сомнения, может тяготить и омрачать жизнь. Вряд ли в ожидании естественной смерти человека волнует то, как он умрет. Однако в преждевременной смерти это обстоятельство нельзя игнорировать, так как она насильственна. А людей насилие пугает не столько своим результатом, сколько осуществлением. Нет смысла перечислять виды насильственной смерти, важнее указать ее источник. Это могут быть и стихийные силы природы, и стихия общественного развития. Вопрос в том, какие силы вносят определяющий вклад в формирование «страха смерти». По-видимому, если что и может быть причиной страха, так это то, что люди с давних времен осваивают искусство убивать, останавливать в заданной точке времени и пространства чью-то жизнь. Человечество изобрело множество средств убиения живого, в том числе и средства массового уничтожения. Люди убивали тогда, когда им была необходима пища, когда они защищали себя от других живых существ. Люди убивали животных, а впоследствии и друг друга.

Смерть давно уже перестала быть естественным событием, производимым природой, следовательно, для понимания ее необходимо исследовать человеческое производство смерти. Как всякое производство, оно требует материала, средств, человеческих навыков. Но, что более важно, в этой деятельности между людьми складываются особые отношения.

Умение убивать стало средством господства человека над живым миром планеты, а впоследствии и средством порабощения человека человеком. Смерть для человека есть отношение человека к другому человеку, убиение человека человеком. Смерть – это человеческое отношение! Не в этом ли тайна смерти? Мы живем в этих отношениях и прямо или косвенно участвуем в них.

По мере развития производства смерти люди теряли контроль над продуктом: ритуальная смерть, кровная месть сменились войной всех против всех. В этих условиях смерть становится господствующим общественным отношением, материальным, производственным отношением. Тот факт, что человек убивает человека, теряет здесь связь с конкретной личностью. Смерть в качестве общественного отношения воспринимается человеческим индивидом в превращенной форме: в форме физиологии индивидуальной гибели и страха за свое существование. Смерть в качестве физического явления становится формой выражения смерти как общественного отношения. В этой данности – отношения в форме продукта, «продукт смерть» превращается в символ общественного отношения, олицетворяется. Тем самым смерть как убиение человека человеком маскируется под естественное явление, связанное с прекращением жизнедеятельности. И в этой форме смерть как общественное отношение окончательно теряет следы своего происхождения. Диалектика человеческой

жизни и смерти воспринимается как момент всеобщего способа бытия, согласно которому «смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» (Гераклит Эфесский, фрагмент 62 [2, с. 215-216]).

Феномен страха является господствующим психическим переживанием там, где смерть становится господствующим человеческим отношением. Так как суть указанного отношения – господство человека над человеком, то оно переживается и осознается в качестве чувства власти одним и чувства страха другим. Так и возникает феномен «страха смерти». Страх закрывает от сознания людей тот факт, что смерть – это их отношение друг к другу, условие их настоящей жизни. Страх направляет сознание индивидов на физиологию смерти, которая воспринимается как интимное дело каждой человеческой индивидуальности, как неизбежный финал ее бытия, а потому и не устранимый из жизни. Тем самым человек не стремится менять нечеловеческие условия своего существования, а проявляет активность в тех действиях, которые способствуют компенсации страха. Компенсировать страх – это значит властвовать над жизненными обстоятельствами. Человек не знает, как можно жить иначе, не боясь и не властвуя.

Компенсация страха – это не столько психотехническое деяние, сколько человеческое отношение к общественным детерминантам продолжительности жизни. Практика компенсации страха знает немало способов решения этой проблемы, как реальных, так и иллюзорных. Люди производят свою материальную жизнь, овладевают средствами самозащиты и нападения, стремятся занять социальное положение, дающее благополучие и уверенность в завтрашнем дне, окружают себя верными людьми и делают многое другое, что может компенсировать страх. Все это – реальные способы достижения уверенности. Во всех этих случаях мотив человеческих действий – «компенсация страха» – совпадает с воспроизводством отношений, порождающих в ходе своего осуществления и сам страх. Так происходит общественное воспроизводство смерти. Люди думают, что стремятся к счастью, к реализации своих жизненных потенций, а в действительности находятся под влиянием безличного регулятора поведения.

Может показаться, что власть как противоположность страха дает человеку уверенность в себе, исключающую страх. Но здесь другая сторона медали: власть – это тоже способ компенсировать страх реальным влиянием на судьбы мира. Но в борьбе за власть господствует только смерть, а значит, и страх.

Страх необходимо компенсировать, но устранить его совсем нельзя. Таков противоречивый закон бытия в условиях, где миром правит насилие и смерть. Поведение людей, стремящихся компенсировать страх, живя на вулкане, являет картину самого настоящего общественного невроза, представляющегося нормальной формой жизнедеятельности.

Смерть как господствующее материальное отношение воспринимается людьми бессознательно в символической форме. Замещение отношений символом (вытеснение) не субъективно-психический механизм защиты, а общественный механизм формирования безличностной регуляции поведения. Исторически конкретные отношения – убиение человека человеком – представляются в форме неизбежного естественного зла и тем самым вселяют страх бытия вообще. Компенсация замыкает процесс, вовлекая человека в воспроизводство бесчеловечных условий бытия против воли и сознания людей. Люди продолжают убивать друг друга, и новые страхи настигают человека... И снова компенсация или сверхкомпенсация... Не видя действительных причин страха и потеряв надежду своими силами достичь человеческих условий бытия, люди вынуждены разрабатывать и прибегать к иллюзорным способам компенсации.

Особенностью иллюзорных способов компенсации является изменение естественной ориентации сознания с вещей на само сознание, с эфемерного – на вечное... Широкое распространение получила практика увековечивания памяти. Увековечивание – это тот случай опредмечивания субъективной деятельности, когда последующее распредмечивание «символов вечности» невозможно. Это – своеобразное жертвоприношение созидательной энергии живых, власть мертвого над живым, власть смерти. Суть этого отношения – вызвать смирение живых, примириться с фактом смерти как неизбежным злом. Иллюзорная компенсация не исчерпывается указанным отношением. Она дополняется верой в бессмертие духа. Иллюзорная компенсация помогает человеку примириться, найти смысл жизни в нечеловеческих условиях, но не ориентирует человека на преобразование своих отношений.

Качественно новый этап в деле производства смерти связан с возникновением государства. Казалось бы, что впервые предпринята попытка взять под сознательный контроль эту общественную стихию. Но способ решения проблемы заставляет усомниться в перспективах государственного регулирования этих отношений. Разоружив одних и вооружив других людей, государство лишь монополизировало смертоносное производство. По-видимому, с этого момента начинается самая настоящая индустрия смерти – война. Систематическая защита и нападение порождают порочный круг сверхкомпенсации – гонку вооружений.

В условиях государственной монополии на производство смерти впервые в человеческой истории создаются условия для сознательного и крупномасштабного производства «страха» в отрыве от производства смерти. Это особое духовное производство – производство общественно значимых эмоций, предназначенных для подчинения человека человеком, а также средств компенсации страха. Как правило, рисуя лики смерти, идеологи страха фиксируют сознание человека на том, как осуществляется насильственная смерть, усиливая страх. Потребление «шедевров страха» рождает амбивалентное переживание: сознание собственной безопасности и сознание относительности этой безопасности. Кроме того, благодаря производству «страха» страх отрывается от своего источника – смерти – и приобретает универсальную форму – экзистенциальный страх. В этой форме страх не связан с какой-то особой предметностью, поэтому он есть страх человека перед своим же собственным страхом, сознание неспособности быть хозяином своей жизни. Сочетая факторы производства «страха» и средств его компенсации, государство осуществляет режим власти, не прибегая к бессмысленному

кровопролитию. Но длительное пребывание под воздействием фантомов сознания, не соответствующих реальности человеческих отношений, не может не сказываться на психическом здоровье индивида.

Видимо, сегодня производство смерти вступило в новый и, по существу, завершающий этап, так как наряду со средствами массового уничтожения разработаны средства духовного перерождения, порабощения и уничтожения. Если в прошлом человек, презрев свою физическую смертность, был горд силой своего бессмертного духа, то XX век не оставил перспектив. Человек осознал свою абсолютную смертность. Что может заполнить этот «экзистенциальный вакуум»?

Человечество дошло до опасного рубежа, вмешиваясь в механизмы функционирования общественного сознания, манипулируя поведением человеческих масс в целях сохранения системы власти, обессмысливая бытие личности – субъекта общественной деятельности. В этих условиях человеку не остается ничего, кроме как повернуться лицом к бесчеловечным отношениям и преобразовать их.

Список литературы

1. **Кант И.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.
2. **Фрагменты ранних греческих философов** / изд. подг. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
3. **Шопенгауэр А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Республика, 2001. Т. 2. 560 с.

WHY ARE WE AFRAID OF DEATH?

Viktor Anatol'evich Ustyugov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Siberian Federal University
ystugov@gmail.com

The author substantiates an assumption that a man experiences the finiteness of his being as a fear, where the production of death is a public process, and pays attention to the fact that in the social production of death the latter is not only a physiological phenomenon to a man, but also the attitude of a man towards another man. Fear also fixes the consciousness of an individual at the physiology of death. Perceiving social attitude as a natural one and realizing the impossibility to remove it from life a man directs his activity not to the transformation of the inhuman conditions of existence, but to the compensation of fear.

Key words and phrases: fear of death; social production of death; death as social attitude; fear as regulator of human behaviour; compensation of fear.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья посвящена деятельности приходских попечительств при православных церквах Донской и Новочеркасской епархий в сфере благотворительности и общественного призрения в 60–70-е годы XIX в. В статье показано, какое место занимала эта работа среди других видов деятельности церковно-приходских попечительств; выделены формы социально-ориентированной деятельности, практикуемые церковно-приходскими попечительствами Донской епархии. Автор описывает опыт церковно-приходских попечительств в области оказания социальной помощи, приводя примеры конкретных мероприятий.

Ключевые слова и фразы: православное духовенство; Донская и Новочеркасская епархии; церковно-приходское попечительство; благотворительность; помощь нуждающимся.

Наталья Владимировна Федорова
Кафедра «Социальные технологии»
Ростовский государственный университет путей сообщения
fnavl@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ ДОНСКОЙ И НОВОЧЕРКАССКОЙ ЕПАРХИЙ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В 1860–1870-Е ГГ.©

2 августа 1864 г. Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквах». Приходское попечительство рассматривалось правительством как вспомогательное учреждение при церкви, в рамках которого приход мог бы направить свою деятельность на решение ряда задач за счет средств, собираемых самим же попечительством, а именно: на благоустройство церкви, кладбища, ремонт и строительство церковных зданий, материальную поддержку причта, просветительскую и благотворительную деятельность (учреждение и содержание школ, больниц, богаделен, приютов, индивидуальную помощь нуждающимся) [6, с. 194]. То есть это был орган, при помощи которого приходская община могла

© Федорова Н. В., 2013